

Поэтическая серия
«Объявленная ценность»

Формаслов

Москва

2021

УДК 821.161.1-1
ББК 84(2Рос=Рус)6-5
Г12

Г12 Александр Габриэль
Чёт и вычет / А. Габриэль. — Поэтическая серия «Объявленная ценность». — М.: Формаслов, 2021. — 125 с.

ISBN 978-5-6046172-0-5

Поэтическая книга Александра Габриэля «Чёт и вычет» — собрание лучшего из написанного автором за последние четыре года. Любовь и взаимонепонимание, жизнь и смерть, страдание и насмешка, драма и фарс, отчаяние и самоирония... Умение насытить стихотворение точными и оригинальными формулировками, словесными играми, яркими метафорами и «стреляющими» ударными концовками уже стало фирменной маркой Александра Габриэля. Это книга умного, тонко чувствующего и ироничного поэта для умной, тонко чувствующей и ироничной аудитории. Аудитории, по счастью, весьма многочисленной.

ISBN 978-5-6046172-0-5

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

© А. Габриэль, текст, 2021
© Формаслов, 2021

АЛЕКСАНДР ГАБРИЭЛЬ

ЧЁТ И ВЫЧЕТ

Стихотворения 2017-2021 гг.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Думаю, что все люди любят играть. Но знаю, что далеко не все умеют. Александр Габриэль умеет. Он играет со словами, смыслами, культурными кодами, нашими эмоциями и воспоминаниями. Он и сам предупреждает читателя:

*Что наша жизнь? Игра воображения,
нехитрых санок резвое скольжение,
движение из полутьмы во тьму.*

Игра и натужность (так называемый «скотский серьез») — две вещи несовместные. Играющий человек свободен и виртуозен. Посмотрите, как играют в футбол испанцы. Вот так же виртуозен в своих стихах Габриэль. В мире его стихов наступают «СИЗО дождей» и звучит «нелюблюз», но никогда не будет занудства или желания поучать читателя. Габриэль просто показывает нам то, что нас окружает, но называет это по-своему. За более чем 300 лет российской изящной словесности кто только не описывал времена года! Представляете, как трудно найти что-то свое на этом пространстве? Александр Габриэль находит.

*...И осень свисает потертым пальто
с крючка в коридоре.*

Осень — словно агар-агар для поэтов. Особенно дождливая. Тут трудно не впасть в банальность. Александр Габриэль не впадает. В его осени

*...куда-то в пропасть падает душа,
как мертвый дождь на полумертвый город.*

Александр Габриэль — поэт умный. Но не заумный. Грустный, но не ноющий, не выпрашивающий у читателей: «Пожалейте меня, такого трепетного, такого не от мира сего!». Потому что он точно «от мира сего», и его мир полностью совпадает с тем, в котором росли мы.

*Жизнь опять хоронила мечту —
каждодневно, привычно, устало.
И генсек с манной кашей во рту
нес пургу, как генсекам пристало.*

В этом мире

*...порою в продмаге «давали курей» —
голубых, словно небо в апреле.*

А еще

*Шкворчала незатейливая пицца,
на класс глядела Маркса бородища,
а дом родной был тесен, словно клеть.
Он был открыт и смеху, и простуде,
и старились вблизи родные люди,
которым лучше б вовсе не стареть.*

Лирический герой Александра Габриэля знаком нам «до прожиток, до детских припухших желез...»:

*В зеркало смотрим: а было ли это с нами?
Фотоальбом опять подтверждает: было.*

И вместе с тем, стихи Габриэля поймут люди с определенным культурным багажом. «Книжные» мальчишки и девочки, помнящие не только культурный пароль, но и отзыв на него:

*...нас лечили, как только могли,
доктор Чехов и доктор Живаго.*

Кстати, о врачах-носителях и здоровой самооценке автора:

*Все сказано теми, кому не гожусь я в подметки.
Хотите лечиться – идите к другому врачу.*

Стихи Александра Габриэля — стихи взрослого человека. И для взрослых людей. Без подростковых рефлексий и истерик. Они для тех, кто уже находится в стадии принятия жизни и смерти.

*Они уйдут, а мы останемся, как валидол под
языком.*

Или вот — прекрасное!

*Спокойной ночи, малыши. Пospели вишни.
А эти двадцать грамм души — лишь вес излишний.
Покуда шел парад-алле, услада зрячим,
свеча сгорела на столе к чертям собачьим.*

ЦЕЛЬСИЙ И ФАРЕНГЕЙТ

Сентябрь

Вновь птицы выводят рулады с утра
на ставнях рассвета.
Прохожие шепчутся, дескать, жара.
Им нравится это.
И где же дожди? Где прохлада, скажи?
Где желтые тропы?
Но лето не хочет сдавать рубежи,
не хочет в окопы,
не хочет туда, где распутицы мрак,
где льется за ворот
вода, с верхотуры летящая, как
снаряды на город.
Пусть все это будет, но после, потом,
не сразу, не вскоре...

И осень свисает потертым пальто
с крючка в коридоре.

Остающимся

Как странно, осень, ты другой казалась в детстве —
спокойной, ласковой... Давай туда махнем!
Вся жизнь — театр. Но — театр военных действий.
В нем победителей не сыщешь днем с огнем.
Протри очки. Картинка видится нечеткой.
Там, за окном, гуляет ветер-прохиндей...
Мы в клетке заперты. Мы словно за решеткой.
Свободу нашу очертил СИЗО дождей.
Все мысли — только о земном, не о высоком:
о холодах да о простудной хрипотце...
А красный лист, упав, лежит кровоподтеком
на исстрадавшемся асфальтовом лице.
Ты рядом, осень. Ты жива, и я не умер,
вновь разгадать пытаюсь трудный твой кроссворд...
А на дворе соседи ожидают «Убер».
Мы — остаемся.
Им — пора в аэропорт.

Межсезонное

Состав застрял, где нет ни тьмы, ни света.
Сонливый воздух, ранних звезд драже...
Весна в дороге заблудилась где-то,
хотя зима закончилась уже.
Свистун-сквозняк, незанятые ниши,
вопросы — позади и впереди...
Приказ: «Замри!» был отдан кем-то свыше
так сухо, что послушайся поди.
И нет дверей. Ни выхода, ни входа,
лишь чьи-то тени строятся в каре...
Есть времена меж временами года,
где жизнь застыла мухой в янтаре.
Там и стоишь — безликий, посторонний —
а в мире то ли минус, то ли плюс...
И вечер на альтовом саксофоне
играет надоевший нелюблюз.

Ноябрьский фристайл

Сломался голос твой, тинэйджер-соловей;
деревья прячут в тень сухой излом ветвей —
так руки прячут от господ простолюдины.
Ноябрь уж наступил. За этого «ужа»
любой вассал ЛИТО, от вредности дрожа,
осиновый мне кол вобьет в район грудины.

В нем бездна правоты, поскольку он привык
хранить от «косяков» великий наш язык,
но мне давно плевать (мне коньячку долей-ка...)
Но мне давно плевать. Я осенью никто,
и слишком далеко ближайшее ЛИТО.
Живи и здравствуй, уж, безвреднейшая змейка.

Вновь ветром за углом — голодным, как койот —
я ранен, а потом пускай меня добьет
холодный серый шелк пустой небесной тверди.
Еще не стала льдом наружная вода,
но кончились в игре все козыри, когда
предчувствие зимы заполнило предсердья.

От дня отгородясь неодолимым рвом,
на мир снисходит ночь в молчанье гробовом;
звезда в моем окне косит безумным оком...
Да, я давно не тот. И все — давно не те,
но осень говорит, что сила — в простоте,
и водит предо мной манящей бритвой Оккам.

Ноябри

Проигранными вдребезги пари,
не верными ни Богу, ни отчизне
бродячими котами ноябри
приходят в неприкаянные жизни.
И все трудней хранить в себе тепло,
звучат шаги потерянно и гулко...
Глядит на всех затравленно и зло
трубопровод сырого переулка,
где ты бредешь, где хмарь и пустота,
где серые заплаканные стены,
и на лице опавшего листа
арабской вязью выделились вены.
Здесь корабли дрейфуют на воде
вслепую, потеряв свои пенаты.
Здесь, «ничего» помножив на «нигде»,
ты вычислишь свои координаты.
Когда, холодной мрачностью дыша,
порывом ветра ломкий воздух вспорот,
куда-то в пропасть падает душа,
как мертвый дождь на полумертвый город.

Предчувствие зимы

Остались только в книгах приключения.
Есть лишь покой, исполненный значения.
Твоя Итака ждет тебя, Улисс.
В термометре — усталый столбик Цельсия
бредет, как похоронная процессия
безмолвная, по переулку вниз.

Как прежде, сердце с разумом не знаются,
и снова провода разъединяются,
исполнив прихоть проржавевших клемм.
А сверху, мерзлым слоем землю выстелив,
летят, как льдинки, прописные истины.
Но где они прописаны? И кем?

В родстве нездешнем черное и белое,
и частное объединилось в целое,
гармонию, как счастье, обретя.
И, с небесами не дружа суровыми,
снег, падая, становится сугробами —
аморфными, как пена для бритья.

Что наша жизнь? Игра воображения,
нехитрых санок резвое скольжение,
движение из полутьмы во тьму.
И в этой бесконечной тихой замяти
виновно, как всегда, пространство памяти
в рожденье слов, не нужных никому.

Декабристы

Мы застряли в зимней паутине —
каждый человек и каждый дом...
Говорят, что лето в Аргентине,
но отсюда верится с трудом.
День недолговечный коротая,
грустно мерзнет, в воздухе паря,
птица, подло брошенная стаей
в мертвые объятия декабря.
Ни уйти отсюда, ни остаться.
Мир лишен и следствий, и причин.
Гулкое двухцветное пространство.
День от ночи трудноотличим.
Но глядятся в снегопад искристый,
презирая стылые ветра,
гордые деревья-декабристы
на Сенатской площади двора.

Начало января

Отопитель поставлен на полный нагрев.
Вечер выглядит томною дамою трэф,
но надежды, внезапно на год постарев,
затупились, как стрелы в колчане.
Бесприютно осваивай зимний ликбез.
Время есть, но его остается в обрез.
Новый час, ниспадая, как влага с небес,
на молчанье меняет молчанье.

Я молчанью себя до отказа скормлю.
Больше некуда плыть моему кораблю.
Ртутный столб, сиротливо припавший к нулю,
крест поставил на минусе с плюсом.
Но, согрета надеждой и красным вином,
жизнь проста, как пасьянс, и сложна, как бином,
и уютна. А там, за озябшим окном,
воздух ветром искусан, как гнусом.

Бледнолицый январь, ты такой же, как встарь.
На гвозде — не ушедший в отрыв календарь.
Близ аптеки на улице — тот же фонарь.
Стылый сумрак, дрожащие ветки...
Дождь не станет никак даже легким снежком.
Ветра шорох разбойничий тих и знаком...
И душа моя дремлет кошачьим клубком
под ребром, не нуждаясь в подсветке.

Плюс и минус три

Январский вечер экономит свет,
сил на уют окрестный не истратив.
Он скучно идентичен — следом в след —
с унылой вереницей старших братьев,
легко сужает в точку окоем,
и, приходя стремительно и яро,
закрашивает сумрачным углем
привычно серый профиль тротуара.
Ежевечерне, словно на пари,
с покорным постоянством крепостного
сменяются плюс три на минус три,
и сердце Кая замерзает снова.
День пролетает — быстрый, словно блиц,
и прячется в темнеющий подлесок.
Скрывают окна выраженья лиц
под кружевным никабом занавесок
так, будто бы снаружи — силы зла,
которые развеются с рассветом...

И кажется, что жизнь почти прошла.
И что январь осведомлен об этом.

Последний месяц зимы

Весильный бог погоды много дней как залил zenки,
забыл дела, как в школе первый класс на переменке,
и скрылся от вопросов в свой заоблачный сераль.
Но календарь, угрюмо скособочившись на стенке,
упрямо утверждает, что на улице февраль.

Давно сугробы выцвели, давно сошли на кашу.
Зима — когда-то наше все — теперь уже не наше;
она сдает позиции. Легко, за пядью пядь...
От вечера до вечера соскальзывают в кашель
проклятые гриппозные плюс два, плюс три, плюс пять.

Стучат по крыше градины — крупны, как чечевица.
Зачем куда-то улетать в такую зиму, птица? —
и здесь неплохо кормят, и не холодно ничуть.
В такое время встретиться сложнее, чем проститься,
и миражом мелькает ускользающая суть.

А на скамейке замерли торжественно вороны
и выглядят серьезнее министра обороны,
распоряженья глупые бормочут нараспев.
Зима, в твоём оружии закончились патроны,
и ты сама закончишься, начаться не успеешь.

Пронто

Мир вокруг опасен и неведом,
им владеют белки и скворцы...
Тротуар укрылся, словно пледом,
слоем аллергической пыльцы.
Соблюдая дух погодной сводки, —
дунул раз-другой и был таков —
ветерок перебирает четки
крохотных пушистых облаков.
Смотрит благосклонным взором фавна
солнце на безлюдный ряд аллей,
где летят на землю плавно-плавно
стреляные гильзы тополей.
Жизнь спешит куда-то в темпе пронто,
исчезая даром, просто так
за далекой кромкой горизонта,
где Земля стоит на трех китах,
где, срываясь вниз, впадают реки
в пустоту небесных теплотрасс...

Мир как не нуждался в человеке,
так и не нуждается сейчас.

Бордюро-поребрик

Лето вдаль ушывает на траченном ржавчиной судне.
Для одних — слишком рано, другим же — хватило с лихвой.
Небо темным набрякло. Четыре часа пополудни.
И дождинки нечастые цокают по мостовой.

Грозное предчувствие, без никакого резона
появившись на миг, тихой тенью ушло в пустоту.
Впереди межсезонье — граница, транзитная зона,
накопитель в большом и безумном аэропорту.

До чего же безветренно в городе влажном и хмуром,
где престиж и успех почитаемы, словно тотем!
В дни, подобные этим, уместны Дассен с Азнавуром.
Про себя напевая, бредешь, наблюдая за тем,

как девчонка-малявка порхает легко и небрежно —
(так, что хочется верить: мы все никогда не умрем...) —
по бордюру, скорей — по сырому поребрику, между
уходящим рыжеющим августом и сентябрем.

РАДИО НОСТАЛЬЖИ

Парадизо

Над прошлым — бурный рост бурьяна;
и да, прекрасная маркиза,
все хорошо. Зубовный скрежет —
союзник горя от ума.
Но еженощно, постоянно
в кинотеатре «Парадизо»
зачем-то кто-то ленту режет
с моим житейским синема.

Бандиты, демоны, проныры —
ночная гнусная продленка...
На кой им эти киноленты?
Кто заплатил им медный грош?!
Но остаются дыры, дыры,
и грязь, и порванная пленка,
разъединенные фрагменты...
Причин и следствий — не сведешь.

Несутся по однопутейке
воспоминания-салазки.
Смешались радости и горе
в бессмысленную кутерьму...
И я, кряхтя, берусь за склейки;
дымясь, придумываю связки.
Кино, хоть я не Торнаторе,
я допишу и досниму.

На факты напозают числа
и с разумом играют в прятки.
И я блуждаю, словно странник
в туманной горечи стиха,
ища тропинки слов и смыслов
среди их трагической нехватки:
давай, давай, киномеханик,
раздуй, раздуй киномеха.